

Скорѣ туфли и платокъ!
 Да гдѣ Иванъ? Какой мѣшокъ!
 Два года ставни отворяють...
 Вотъ ставни настѣжь. Цѣлый домъ
 Третъ стекла тусклыми сукномъ—
 И любопытно пробѣгають
 Глаза опухшіе дѣвицъ
 Ряды суровыхъ, пыльных лицъ.

VI.

«Ахъ, посмотри сюда, кухня,
 Вотъ этотъ!»—«Гдѣ? Майоръ?»—„О, нѣтъ!
 Какъ онъ хорошъ, а конь—картина!
 Да жаль, онъ, кажется, корнетъ...
 Какъ ловко, смѣло избочился.
 Повѣринъ ли, онъ мнѣ приснился...
 Я послѣ не могла уснуть...»
 И тутъ дѣвическая грудь
 Косынку тихо поднимаетъ—
 И разыгравшейся мечтой
 Слегка темнится взоръ живой.
 Но полкъ прошелъ. За нимъ мелькаетъ
 Топла мальчишекъ городскихъ,
 Немытыхъ, шумныхъ и босыхъ.

VII.

Противъ гостиницы Московской—
 Притона буйныхъ усачей—
 Жилъ нѣкто господинъ Бобковскій,
 Губернскій старый казначей.
 Давно былъ домъ его построенъ,
 Хотя невзраченъ, но спокоенъ;
 Межъ двухъ облупленныхъ колоннъ
 Держался кое-какъ балконъ.
 На кровлѣ треснувшія доски
 Зеленымъ мохомъ поросли,
 За то предъ окнами цвѣли
 Четыре стриженныхъ березки:
 Взамѣнъ гардинъ и пышныхъ шторъ—
 Невинной роскоши уборъ.

VIII.

Хозяинъ былъ старикъ угрюмый,
 Съ огромной лысой головой;
 Отъ юныхъ лѣтъ съ казенной суммой
 Онъ жилъ, какъ съ собственной казной
 Въ пучинахъ сумрачныхъ разчета
 Блуждать была его охота,
 И потому онъ былъ игрокъ
 [Его единственный порокъ].
 Любилъ наѣво и нацраво
 Онъ въ зимній вечеръ прометнуть,
 Четвертый кушъ перечеркнуть,
 Рутеркой донтирнуть со славой,
 И талю скверную порой
 Запить цимлянскаго струей.

IX.

Онъ былъ врагомъ трудовъ полезныхъ,
 Трибунъ тамбовскихъ удалцовъ,
 Гроза всѣхъ матушекъ уѣздныхъ
 И воспитатель ихъ сынковъ.
 Его крапленныя колоды
 Не разъ невинные доходы

Съ индеекъ, масла и овса
 Вдругъ пожирали въ полчаса.
 Губернскій врачъ, судья, исправникъ—
 Таковъ его всегдашній кругъ;
 Послѣдній былъ дѣлецъ и другъ,
 И за столомъ такой забавникъ,
 Что казначейша иногда
 Сгорить, бывало, отъ стыда.

X.

Я не повѣдалъ вамъ, читатель,
 Что казначей мой былъ женатъ.
 Благословилъ его Создатель,
 Пославъ ему въ супругъ кладъ.
 Ее цѣнилъ онъ тысячу во сто,
 Хотя держалъ довольно просто
 И не выписывалъ чепцовъ
 Ей изъ столичныхъ городовъ.
 Предавъ ей тайнства науки,
 Какъ бросить вздохъ, иль томный взоръ,
 Чтوبъ легче влюбивый понтеръ
 Не разглядѣлъ проворной шуки,
 Межъ тѣмъ догадливый старикъ
 Съ глазъ не спускалъ ее за мигъ.

XI.

И впрямь, Авдотья Николаевна
 Была прелакомый кусокъ.
 Идетъ, бывало, гордо, плавно—
 Чуть тронетъ землю банмачекъ.
 Въ Тамбовѣ не запомнятъ люди
 Такой высокой, полной груди:
 Бѣла, какъ сахаръ, такъ нѣжна,
 Что жилка каждая видна.
 Казалось, для нѣжной страсти
 Она родилась. А глаза...
 Ну, что такое бирюза?
 Что небо? Впрочемъ, я отчасти
 Поклонникъ голубыхъ очей.
 И не гожусь въ число судей.

XII.

А этотъ носикъ! эти губки—
 Два свѣжихъ розовыхъ листка!
 А перламутровые зубки,
 А голосъ сладкій, какъ мечта!
 Она картава говорила,
 Не чисто *p* произносила;
 Но этотъ маленький порокъ
 Кто извинить бы въ ней не могъ?
 Любилъ трепать ей ланиты,
 Разнѣжась, старый казначей.
 Какъ жаль, что не было дѣтей
 У нихъ!—о томъ причины скрыты;
 Но есть въ Тамбовѣ двѣ кумы,
 У нихъ, пожалуй, спросимъ мы.

XIII.

Для большей ясности романа
 Здѣсь объявить мнѣ вамъ пора,
 Что страстно влюблена въ улана
 Была одна ее сестра.
 Она, какъ должно, тайну эту
 Открыла Дунѣ по секрету